

Воспоминания, письма

Воспоминания о Порхове

Выпускница Порховской женской гимназии и уроженка Порхова Е. Б. Кучерова (Левенштейн) в 1967 г. приступила к написанию коротких воспоминаний о годах своего детства и юности, проведённых в Порхове. В дальнейшем, текст мемуаров, набранный на печатной машинке, был передан автором в Порховский краеведческий музей, где и сохранился до наших дней¹. Сквозь призму глубоко личных воспоминаний нам открывается картина повседневной жизни провинциального города. Дореволюционный Порхов предстаёт для читателей «тихим и зеленым городком с огромными ивами и тенистой набережной». Автор мемуаров красочно повествует о работе женской гимназии и отдельных моментах жизни ее воспитанниц: учебных занятиях, театре, платном репетиторстве и тайном увлечении молодых девушек — революционными идеями. Особый интерес представляет рассказ о некоторых преподавателях женской гимназии Порхова и дальнейших судьбах. Начиная воспоминания с первых лет XX в., Е. Б. Кучерова доводит своё повествование до конца Гражданской войны в России. Мемуары Евгении Кучеровой предвосхищает краткий исторический экскурс о Порхове и его окрестностях, первом летописном упоминании о городе и роли князя Александра Невского, крепостном строительстве и административном устройстве средневекового города. Данные факты являются общеизвестными и не несут в своём содержании ничего нового, в связи с чем, они были исключены из текста, подготовляемого к публикации. Также в настоящий текст не были включены перепечатка статьи районной газеты города Крестцы и отдельные моменты мемуаров, имеющие глубоко личный характер для его автора и не раскрывающие исторической картины прошлого. Воспоминания отредактированы и подготовлены к публикации кандидатом исторических наук, старшим преподавателем кафедры русской истории ПсковГУ М. В. Васильевым. Допущенные мемуаристом неточности и ошибки исправлены и конкретизированы, явно пропущенные и недостающие слова и фразы добавлены в текст и отмечены знаком [...], небольшие сокращения текста обозначены (...). Воспоминания публикуются впервые с сохранением стилистических особенностей автора.

Е. Б. Левенштейн (Кучерова), выпускница Порховской женской гимназии

Воспоминания о Порхове

В начале XX века, в годы моего детства и юности, провинциальный Порхов был тихий, зеленый городок с высоким левым берегом Шелони, заросшим громадными ивами, купавшими свои ветви в прозрачных водах Шелони. Тенистая набережная в центре города была любимым местом прогулок для порховичей. Весь город летом утопал в цветах и зелени фруктовых садов, произраставших почти при каждом доме. Длинный бульвар густой аллеей тянулся от центра [города] и до кирпичного здания почты. Вдоль крепости, начиная от Старорусской улицы и почти до Шелони [располагалась] густая аллея желтых акаций. По правому берегу реки на самой окраине города (в одной версте от его центра), рядом с местом старого городища, была березовая роща, которую мы называли Поляковой. Это место также являлось прекрасным местом для отдыха. Из городских садов в Порхове было два: сад Севастьянова² с открытой сценой и духовым оркестром, [игравшим] в летние вечера, и сад Бухарова, где находилось здание летнего театра. Внешне этот театр больше походил на сарай, но сад из густых

аллей сирени был хорош, особенно в пору цветения. В этом захудалом театре играли такие замечательные артисты как: Е. П. Корчагина-Александровская³, Лешков, Топорков и другие неизвестные артисты Петербурга. Корчагина-Александровская каждое лето гостила в пяти верстах от Порхова с двумя дочерьми в имении Бухаровых «Нестрино». Когда открывался театр, Порхов просто оживал, и попасть на спектакли было не просто. Я с девяти лет стала бегать на галёрку за 10 копеек. И чтобы заработать эти 10 копеек, я целую неделю таскала воду соседке с Шелони, а в субботу тащила [со своей подругой] Катей на берег большой медный самовар и начищала его до блеска. А когда мне, в мои студенческие годы пришлось давать уроки младшей дочери Корчагиной-Александровской — Даше, я рассказала ей о том, какие усилия мне приходилось прилагать, чтобы попасть в театр.

В окрестностях Порхова [на удалении] распростирался большой красивый лес, в котором находилась ещё одна местная достопримечательность порховичей — «Сторожевая гора». На самом деле никакой горы фактически не было. Пройдя по этому лесу не более одной версты, открывалась большая площадка на возвышенном месте со зданием сторожки в глубине и огромными качелями по середине. По сторонам были сколочены длинные столы и скамейки для чаепития. Богатые горожане и гости города приезжали сюда на лошадях с провизией, заказывали самовар и устраивали праздники. Менее состоятельные жители, вроде нас, приходили в будни с караваем хлеба, покупали в сторожке молоко, собирали грибы или качались на качелях, наслаждаясь природой.

Мне было семь лет, когда умер отец, и наша мать осталась одна с пятью детьми. Нашу старшую сестру взял на воспитание брат отца, а мы четверо остались с матерью. Родственники предлагали малышей устроить в приюты, но мать никого не отдала и взялась за дело отца. Под окном в комнате поставила столик и прикрутила небольшие тиски и стала понемногу работать на верстаке: кому ключик подточит, кому зонтик починит или дырявую кастрюлю запаяет. Потом начала лудить медную посуду и самовары. Детей в нашем доме всегда было много. Если мы шли в лес, то ребятня со всей улицы собиралась и шла вместе с нами. Словом, жить было весело, однако часто нечего было есть. Вспоминается одна из маминых поговорок: «Будет день — будет пища», которую она часто произносила, когда мы голодные ложились спать.

Я очень рано научилась вязать крючком. Так как тряпок в доме не было, а нитки всегда были под руками, я вязала одежду всем свои куклам. Однажды к нам в дом пришла подруга моей матери и сказала: «посмотрите, Анна, как ваша дочурка чудно вяжет, я знаю, что ей очень хочется учиться в прогимназии, ведь наша-то пойдёт [учиться] на будущий год. Пусть она свяжет к занавескам на мои три окна прошивки и кружева — вот и заработает 5 рублей на оплату первого полугодия». Признаться честно, я обрадовалась такому развитию событий, мама же не возражала. Мне принесли нитки и образцы для вязания, и я с радостью начала работать. Вязала я всю зиму, по вечерам, когда мама укладывала младших спать, читала мне интересные книги. Так иногда и за полночь могли засидеться до той поры, пока в семилинейной керосиновой лампе не выгорал до конца весь керосин. Так мной и были связаны 12 аршин прошивок и 12 аршин кружев за оговоренную плату, которая позволила мне начать обучение в прогимназии.

На занятия я просыпалась рано, так как часов у нас в доме не было. Приду к зданию прогимназии, стану под дверьми, а кругом еще никого. Наконец, заскрипит засов, выходит дворник подметать: «И чего ты так рано бегаешь, ведь уже заморозки начались?». — «Дяденька, а у нас часов нет, я боюсь опоздать», — «Ну, ладно, иди в дворницкую погрейся!». А когда начинался урок, каждое слово учителя я пыталась запоминать. Вот так и блаженствовала целое полугодие за свои заработанные 5 рублей. А через полгода ко мне подошла начальница, положила свою руку мне на плечо и говорит: «Ты голубушка, больше не приходи, все сроки прошли, а пять рублей оплаты вы так и не внесли». В течении следующих четырех лет я могла оплачивать только половину занятий. Так и училась — полгода в школе, а полгода дома самостоятельно. Девочки из моего класса мне учебники приносили и учебники пока-

звали. В конце четвёртого года приехал инспектор из Петербурга — Оконченков. Целую неделю ежедневно посещал уроки. В это время учительница меня часто вызывала к доске с домашним заданием. После чего мне велели зайти в учительскую, в которой инспектор спросил меня о том, как я живу и учусь, и в конце беседы сказал: «пойдём в магазин». Когда мы пришли в магазин, мне было предложено выбрать себе обувь. Мне одели такие мягкие ботинки, напоминающие перчатку. После чего инспектор предложил пройтись в них и сказал: «если хороши — не снимай!». А когда вышли из магазина, мне было сообщено, что я теперь буду учиться за казенный счёт и платить за обучение мне больше не надо. А в 4-м классе уже учителя присылали ко мне родителей, которые обращались к ним по поводу своих неуспевающих детей. Так я стала иметь небольшой заработок. В 1906 г. в Порхове открылась женская гимназия, и мы, окончив прогимназию, попали сразу в 5 класс этой гимназии.

Благодаря территориальной близости и тесного общения с людьми в Порхове не было секретом всё, что происходило в губернской столице. В 1906 г., когда мы уже были гимназистами, в Порхове работала организация «Политического Красного Креста помощи заключёнными и ссыльным революционерам»⁴, куда мы и были вовлечены: Кириллова Катя и я, Женья Кучерова, как самые взрослые и серьёзные из гимназисток. В то время нам уже было по 15 лет. Нам было поручено привлечь к этому делу других проверенных и надёжных гимназисток. Я хорошо знала сестер Ардамацких, как начитанных и серьёзных — Любу и двух Александр. Сашенька беленькая — красивая, высокая девочка, очень веселая и Сашенька чёрненькая, увлеченная музыкой, которая экстерном занималась и сдавала экзамены в консерваторию, прекрасно играла. Всё свободное от уроков время первые две отдавали чтению, а третья — музыке. Все три были двоюродные сёстры⁵. Любовь к музыке влекла меня к ним. Моей способностью качественно запоминать все, что было сказано учителем, активно пользовались мои подружки и часто просили придти пораньше и пересказать урок, что я охотно делала. Учителя в гимназии у нас были очень хорошие, и преподавали интересно, а вот учебники, которыми нас обеспечили, были плохими, в результате чего мы с сестрами Ардамацкими договаривались, что после моей беготни по частным урокам, я буду вечером к ним заходить, рассказывать устные уроки, а в награду слушать красивую музыку. Так оно обычно и бывало, однако случалось и такое, что я, набегавшись по частным урокам, приходила настолько усталая, иногда промерзшая и сидя в мягком кресле, согревалась и засыпала на полу-слове. Однажды они решили развлечься. Открыли осенним вечером балкон и трое вынесли меня вместе с креслом и ждали моего пробуждения. Когда я открыла глаза и увидела декорацию Соборной площади с балкона, то долго не могла сообразить, где же я нахожусь. Понятно, что выражение моего лица вызвало такой дружный хохот, что к нам прибежали с нижнего этажа узнать, что случилось. Обсудив с Катей, что наши общие знакомы, сестры Ардамацкие не болтливы, в классе ни с кем близко не общаются, а дома у них никто не бывает, мы начали их постепенно подготавливать, а в дальнейшем и совместно работать.

Мы рисовали программы для наших вечеров, которые продавали. Раз в месяц в доме Ардамацких мы устраивали собрания, когда к нам из Пскова приезжали революционеры-агитаторы.

Учителя у нас были хорошие, с передовыми взглядами того времени. Одной из них была Р. А. Крылова, которая интересно и наглядно преподавала нам естественные науки. Однако вскоре её выгнали из гимназии за то, что она на урок анатомии принесла в класс заспиртованный зародыш человека. Дочь председателя попечительского совета, которая училась в нашем классе, рассказала об этом своему отцу и он поднял скандал, в результате которого Крылову убрали из гимназии.

Замечательная учительница — Е. А. Максимова. Она преподавала математику, физику и космографию. Эта женщина много своего внеклассного времени уделяла нам. Так, после уроков физики помогала готовиться к демонстрации опытов, а после космографии звездными вечерами собирались почти всем классом на открытом месте и с помощью её складного небесного телескопа изучали звёздное небо.

Мы с Катей очень увлекались космографией. Как-то перед выходными мы пошли с Ардамацкими к ним в им[ение] Заполье с ночевкой. Вечером вышли на балкон, небо было темно-синее, звёзды яркие. Мы разложили на столе карту неба, поставили на неё керосиновую лампу и стали искать видимые нам звезды. Кто-то из нас, увлечшись звёздами, опрокинул лампу, в результате чего моментально вспыхнула карта и стол. Хорошо, что дверь в комнату была распахнута и близко стояли две кровати, с которых мы схватили постельное бельё, которым и погасили пламя.

По прохождению наиболее интересных тем, мы получали задания для докладов. Для выполнения одного такого задания Евгения Александровна [Максимова] дала мне из своих запасов толстую книгу о солнце. Когда я её читала, то обратила внимание на то, что во многих местах была густо заштрихована фамилия открывателя различных космографических явлений. Но в одном месте мне все же удалось ее прочесть. Это была фамилия и инициалы нашего учителя физики и космографии. А через 23 года, когда я будучи учителем, приезжала в Пулковскую обсерваторию со своей школой, один старый профессор, который руководил нашей экскурсией, задал мне вопрос, не знаю ли я Е. А. Максимова? Когда я дала утвердительный ответ, профессор даже вздрогнул от неожиданности, рассказав, что много лет назад работала в обсерватории очень талантливая молодая женщина, астроном, которую несмотря на все её открытия категорически отказывались вводить в штат постоянных сотрудников обсерватории, лишь по той причине, что она была первой и единственной на тот момент женщиной-астрономом. Потеряв всякую надежду на получение должности, она исчезла в 1906 году и до сих пор никто из учёных-астрономов ничего о ней не знал. Почтенный профессор поблагодарил меня за сведения о Максимова, и мы очень тепло с ним расстались.

Однако самая лучшая и любимая из всех преподавателей, была начальница гимназии Мария Дмитриевна Соколова, преподававшая географию. Она так ярко и образно нам всё рассказывала, что иногда создавалось впечатление, что всё сказанное она видела своими глазами. Человеком она оказалась тоже очень замечательным, мы это поняли, когда узнали её поближе. Первое время нам было очень трудно добывать средства на Политический Красный Крест только потому, что были полностью связаны с гимназией и главным образом с её начальницей, так как продавали цветы и программы открыто и всегда очень волновались из-за реакции нашей руководительницы на это.

Она очень часто приглашала в гимназию лекторов из Петербурга и устраивала литературные утреники и вечера. Особенно часто приезжала к нам литературовед и прекрасный лектор — Граматчикова. Также приезжал к нам профессор с баллонами жидкого воздуха и показывал прямо волшебные опыты. В особо торжественные дни проводились у нас балы. Во время таких мероприятий продавали мы не только программы и цветы, а ещё спички на право курения. Обтянутая ярким шелком или бархатом палитра, и на ней наколоты булавкой по 2 спички, перетянутые ленточкой. Выбирали бойкую и красивую девушку, давали в левую руку палитру, а правой рукой она прикалывала спички к лацкану мужчинам на право курения. А через плечо на ленте висела у нее заклеенная со всех сторон коробка с прорезом сверху для опускания денег. Публика, конечно, думала, что все их щедрые пожертвования идут на гимназию. Мы, естественно, помалкивали, и начальница наша почти до последней четверти пятого класса молчала. Наконец, в один из особо удачных вечеров она пригласила меня и Катю к себе в кабинет. Мы вошли, едва дыша и боясь на неё взглянуть, а она нам сказала: «успокойтесь, девочки, я все знаю, вот вам деньги, что сверх стоимости билетов, добавьте их к своей выручке и передайте вместе со своей собранной суммой туда, куда следует. А теперь идите в зал и ведите себя как всегда». Радости нашей не было границ. Цветы привозили Ардамацкие, даже зимой из своей оранжереи, и мы их распродавали на вечерах.

Словом, доходы наши росли, а вместе с ними и удовлетворение, которое мы получали. Особенно нас окрыляла мысль о том, что в лице начальницы мы получили близкого нам человека и друга. Кроме всего, нас снабжали нелегальной литературой, которую мы должны были распространять. Летом это делать было легче, а зимой мы кроме гимназии нигде не бывали.

Но когда Шелонь замерзала и служила прекрасным санным путем для окрестных крестьян, едущих на Порховский базар и обратно, мы спускались с берега реки и ловили крестьян. «Дяденька, прокати!». Крестьяне охотно останавливались, мы садились в сани и осторожно, вытащив из-за пазухи литературу, запикивали её между мешками или в сено и довольные, просили остановить и бежали в гимназию. Но вот в городе начались аресты. Мария Дмитриевна позвала нас и сказала: «сейчас же заберите нелегальную литературу, что у вас с собой, несите в ванную, где топится колонка. Закройтесь и сожгите все до последнего листа, чтобы дома у вас ничего не было!» Вся нелегальная литература хранилась у меня, и не в доме, а под застрехой железной крыши нашего маленького флигеля со стороны глухого простенка с соседней высокой стеной. Мне уже удалось уговорить Катю, что не надо трогать наш тайник, так как место вполне безопасное. Однако когда к нам пришли сестры Ардамацкие, у них был свой план и Катя с ними согласилась. Они поехали в Заполье, выкопали там яму на б[ерегу] Полонки по размеру ящика, а когда стемнело, приехали ко мне в четырехместной пролетке с ящиком, прикрытым черной тряпкой. Я и Катя быстро вытащили по два пакета книг, и, уложив в ящик, повезли его в заранее подготовленное место. Утром мы еще раз забежали в район нашего схрона, подправили дерн сверху и только после этого все вместе ушли в город. В общем, намеченный план нами был выполнен успешно.

У Кати под окном на крыше хранился гектограф⁶, но мы про него забыли, а сама Катя почему-то промолчала, так он там и остался. Мы им никогда не пользовались, так как он принадлежал более взрослым членам нашей организации. Через неделю мы узнали от Ардамацких, что дорога в селе Полоное перекрыта, никого не впускают ни туда, ни обратно. В Полонском Сельскохозяйственном училище идет обыск со вчерашнего вечера. Помочь нашим товарищам мы ничем уже не могли, но спланировали завтрашний день. В гимназию пришли первыми, сумки положили в парты и сейчас же ушли. В конце старорусской улицы по правой стороне был двухэтажный деревянный дом с огородом, выходящим на Полонскую дорогу. Жила там наша соученица Моисеева Клавдия. Я зашла к матери, которую хорошо знала, и попросила разрешения посидеть у них в огороде. Через изгородь хорошо просматривалась вся дорога. Мы заранее приготовили записки для арестованных товарищей. Когда колонна с арестантами поравнялась с изгородью, мы забросили им записки, и, выбравшись на улицу, пошли следом за ними по тротуару. Арестованных вели по несколько человек в ряд, а окружены они были полицейскими и жандармами... Около крепости мы отстали от арестованных, после чего пошли в гимназию и сели за парты перед последним уроком. После этого много арестов было произведено в городе. Один из наиболее близких нам Дмитрий Евдокимович Григорьев также был арестован в 1907 году и просидел в Псковской тюрьме один год и семь месяцев. А в 1909 году, когда Д. Е. Григорьев вышел из тюрьмы, мы под его руководством стали читать «Капитал» Карла Маркса. У нас был небольшой, но дружный кружок из пяти человек. Мы вместе читали литературу, ходили на Сторожевую гору и катались на лодке, уплывая далеко в сторону верховья реки. Наш кружок состоял из следующих лиц: Д. Е. Григорьев был всегда со своим другом — Галактионовым Игнатием Петровичем, я со своей верной подругой Катей Кирилловой и моя старшая сестра...

В 1909 году мы уже были в последнем 7-ом классе гимназии, нас постигло большое горе — нашу дорогую М. Д. Соколову убрали из гимназии за неблагонадежность. Мы знали, что все доносы на наших лучших друзей гимназии исходили из попечительского совета и ненавидели их всем сердцем. Но чувствовали себя совершенно бессильными против них.... Когда после окончания седьмого класса в торжественной обстановке нам выдавали аттестаты, одна из дам попечительного совета подошла ко мне и предупредила: «когда пойдешь получать аттестат и медаль, поблагодари попечительский совет за то, что дали тебе возможность бесплатно окончить гимназию». Когда меня вызвали на награждение, я решила, что не скажу ни слова благодарности. Молча взяла аттестат и медаль... и сразу нырнула в толпу гимназисток, стоящих вдоль дорожки и далее затерялась за декорациями, откуда вышла уже после завершения всего мероприятия.

С М. Д. Соколовой мы расстались самыми лучшими друзьями. Всё время переписывались, она много лет опекала нас с Катей как родной и близкий человек. Так как все свои гимназические годы я болела, а в Порхове мне диагноза поставить так и не смогли, Соколова написала мне, чтобы я к ней обязательно приехала и она поможет мне попасть в клинику. Когда я приехала [в Петербург], у неё уже было письмо для меня от заведующей Институтом экспериментальной медицины в Военно-медицинскую академию. Меня сразу там приняли и за два месяца смогли вылечить. Долгое время Мария Дмитриевна не могла устроиться на работу, и только благодаря своим связям среди людей науки, она снова стала начальницей гимназии. Очень состоятельная заведующая Институтом экспериментальной медицины — Зибер-Шумова (инициалы не указаны — М. В.), имела не только собственный огромный каменный дом на Карповке в Петербурге, но и прекрасное имение «Зорька», что в 20 верстах от города Крестцы Новгородской губернии. Зибер-Шумова построила в своём имении «Гимназию для крестьянских детей и интернатом», в которой и работала М. Д. Соколова. А половину своего дома в Петербурге Зибер-Шумова отдала бесплатно просвещенцам и людям науки, которые нуждались в жилплощади. Там же имела квартиру и Мария Дмитриевна, в которой жили двое её детей. С ними жила и я первое полугодие своих студенческих лет, когда было особенно трудно одновременно учиться и зарабатывать себе не только на жизнь, но и на обучение в институте. Мария Дмитриевна нашла мне очень хорошо оплачиваемый урок, а со второго полугодия меня уже освободили в институте от взносов, и я училась бесплатно.

(Далее, автор мемуаров вновь возвращается к воспоминаниям гимназических дней в Порхове — М. В.) После окончания гимназии в 1909 году, открылся еще 8-й класс — педагогический и т. к. я в то время ещё не могла уехать в Петербург для продолжения образования, так как ждала того момента, когда сестра окончит гимназию и сможет зарабатывать уроками, то я рискнула подать заявление на право учиться в 8 классе бесплатно. К великой моей радости и удивлению, мне разрешили, хотя как еврейке, мне запрещалось преподавать в русской школе. В 1910 году наш выпуск был первым⁷, и мы скромно и хорошо отметили его на «Сторожевой горе». После чего я еще три года давала уроки в Порхове, чаще всего экстерникам, которые имели право сдавать экзамены только в гимназию.

В институте я начала учиться в 1923 году, а в 1917 году, сразу после революции сбылась моя мечта — я стала учительницей! И не где-нибудь, а в бывшем «Царском Селе», тогда уже переименованном в «Детское Село». С 1917 года и по 1920 год, самое тяжёлое время во всех отношениях, я работала и наслаждалась. Трудно получить ту радость, которую дал мне труд. Порой я забывала, что за весь день ничего не ела, работала в таком приподнятом состоянии, что и голода не чувствовала. Хотя, и есть порой было нечего.

В 1920 году я сильно заболела туберкулезом... А в следующем году из Таганрога приехала в командировку сестра мужа, врач по образованию и забрала меня к себе. В то время в Таганроге тоже не хватало хлеба, а временами он и вообще отсутствовал. Однако мясо и красная рыба были почти даром. Меня стали выхаживать и кормить черной зернистой икрой. Ежедневно заставляли съесть глубокую тарелку этого чудодейственного лекарства, которое меня и подняло на ноги, и я поправилась... .

Воспоминания моих самых лучших и интересных лет жизни связаны с моей малой родиной — Порховом и с лучшими людьми того времени, окружающими меня... В 1967 году, когда я была проездом в Москве, я встретилась с дочерью М. Д. Соколовой — Натальей, с которой не виделась 50 лет. Наша встреча и совместные воспоминания, побудили меня написать свои воспоминания.

Примечания

- ¹ Порховский краеведческий музей. Ф. 2–3. Инв. № 1987 — оф. (Левенштейн Е. Б. Воспоминания о Порхове).
- ² Подробнее о городском саде Севастьянова раскрывается в мемуарах Б. Богданова (см.: Псков. 2014. № 41. С. 219–245).
- ³ Е. П. Корчагина-Александровская давала концерты в Порхове в 1903 году. Корреспонденция из Порхова сообщала о состоявшемся 15 июня представлении пьесы Максима Горького «Мещане» и удачной игре артистов, в том числе Александровского в роли Перчихина и Корчагиной в роли его дочери Полины. В следующих сообщениях рассказывалось, что режиссёр Александровский 29 июня поставил драму Л. Н. Толстого «Власть тьмы», а 6 июля — пьесу Горького «На дне». В ней Александровский играл Луку, а Корчагина — Настю. В этой заметке отмечалось, что «Какую бы роль ни играла госпожа Корчагина, она всегда проводит её с чувством, изучив до мельчайших подробностей. Публика игрою осталась вполне довольна, но содержание пьесы «На дне» не понравилось девяти десяткам порховичей». По воспоминаниям дочери Корчагиной, из-за банкротства отца их семья в Порхове оказалась в бедственном положении. Пришлось взять деньги под залог сундука, который всегда путешествовал с ними. О том времени сама Екатерина Павловна вспоминала следующее: «Когда мы играли в Порхове, то всей семьёй жили в небольшой сторожке, где в комнате, кроме мужа, меня и двух дочерей, проживало ещё трое посторонних. Здесь приходилось и нянчиться с детьми, и готовить новые роли, и заниматься хозяйством, и комбинировать из каких-то тряпок «гардероб» для спектаклей. Эта избёнка находилась рядом со сценой летнего театра. Во время спектаклей наше жилище превращалось в туалетную комнату для зрительниц. И так мы прожили целое лето». А дочь добавила: «Наконец отец находит выход. Где-то за зданием театра он обнаружил какой-то заброшенный сарайчик, кое-как заделал щели и туда перебрался с сестрой. Я с матерью остаюсь в сторожке. Вскоре сестра тяжело заболела, пришлось положить её в больницу, версты за три от дома. Едва мать отыграет спектакль, по непогоде, по непролазной грязи бежит в больницу, проводит бессонную ночь у постели дочери, а наутро, прямо оттуда, в театр на репетицию очередной премьеры». После Пскова и Порхова супруги почти год играли в Вологде и Сызрани, прежде чем в августе 1904 года В. Ф. Комиссаржевская приняла их в создаваемый ею столичный театр (Левин Н. Ф. Артисты Е. П. Корчагина и В. В. Александровский на псковской и порховской сцене // [Электронный ресурс]: URL: <http://bibliopskov.ru/korchagina.htm> (дата обращения: 15.03.2015 г.).
- ⁴ Политический Красный Крест — общее название ряда организаций, оказывавших помощь политическим заключенным в Российской империи. После поражения первой Русской революции помощью политическим заключенным занималось Бюро петербургских организаций Политического Красного Креста. Пожертвования собирала финансовая комиссия этой организации. Тюремная комиссия занималась помощью заключенным, ссыльным и их семьям, а также организацией побегов.
- ⁵ Одна из сестер Ардамацких, Александра Петровна, была дочерью почётного гражданина города Порхова Владимира Петровича Ардамацкого. Все их родители, братья Ардамацкие, были известными купцами и торговали хлебом, овощами, бакалейными товарами, рейнскими и крымскими винами.
- ⁶ Гектограф — простейший прибор для размножения текста и иллюстраций. Изобретён в России М. И. Алисовым в 1869 году. Прибор мог давать до 150 копии текста или рисунка. Все необходимые материалы для этого можно было свободно купить в аптеке любого уездного городка, а уж собрать проще простого. Они печатали на нем не только листовки и прокламации, но целые брошюры. Это было намного дешевле содержания подпольных типографий, и безопаснее, так как уничтожить при необходимости гектограф можно было за считанные минуты. Осознав важность для революционного движения данного изобретения, власти ввели уголовную ответственность за «незаконное изготовление и хранение гектографов без соответствующего на то разрешения». Но рецепт к тому времени был широко известен, и гектографы, верно, служили революционерам, особенно молодёжи, вплоть до Февральской революции.
- ⁷ В 1910 году состоялась первый выпуск учениц VII и VIII (педагогического) классов. Из 23 выпускниц VII класса 5 получили золотые медали и 1 серебряную, а в VIII классе 3 выпускницы получили звание домашней наставницы и 24 — домашней учительницы (Маркова М. Т. Очерки истории народного образования Псковской губернии. 1900–1927 гг. Псков, 2004. С. 24).